

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАУКА

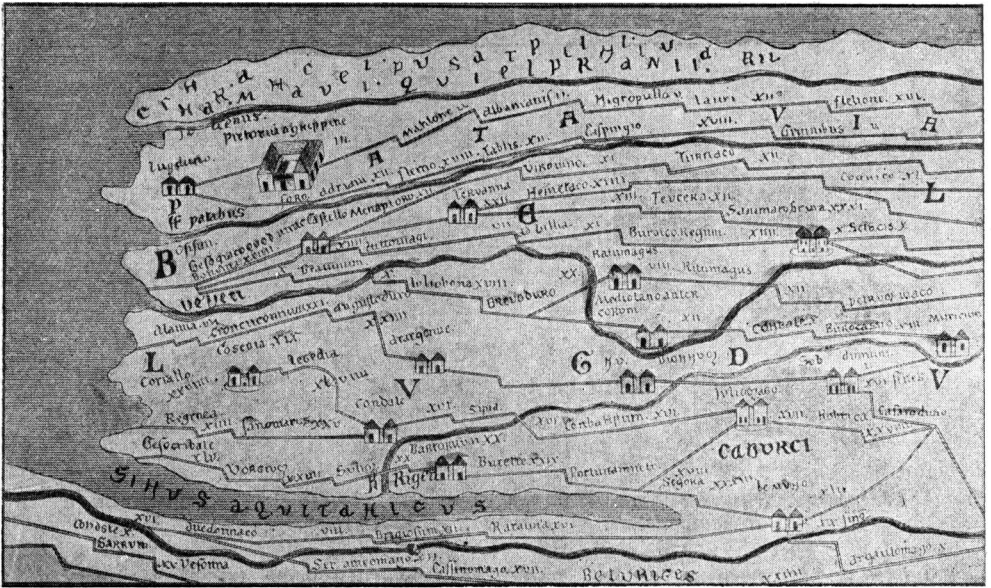
География. Энциклопедия Плиния Старшего. Медицина. Астрономия и астрология. Философия. Историография.

Вместе с территориальным расширением римского государства шло расширение географических и этнографических знаний. Около начала нашей эры Страбон, уроженец Амасии (в Малой Азии), написал на греческом языке «Географию» — подробный обзор всех стран известного тогда мира. Несколько позднее появились «Германия» Тацита и его же описание Британии в биографии полководца Агриколы. Только за 14 лет до написания этой биографии Агрикола объехал с римским флотом Британию и установил, что эта земля — остров. В те дни сочинение, подобное тацитовскому, вызывало животрепещущий интерес. Внимание римлянина невольно влеклось к границам Империи, к тем «варварам», с которыми ему приходилось сталкиваться. «Германия» Тацита, так же как и «Записки» Цезаря, — важный источник наших сведений о быте и жизни древних германцев.

Несколько раньше тацитовских сочинений появилось географическое сочинение Помпония Мелы, написанное уже не на греческом (как сочинение Страбона), а на латинском языке. В основном оно гораздо схематичнее и суше труда Страбона, опирается, как и этот труд, на греческие источники, но отдельные факты в нем свежи и интересны. Так, у Помпония Мелы впервые упоминается Балтийское море.

Во времена Августа его приближенный Агриппа приказал изготовить большую географическую карту мира. После смерти Агриппы Август выставил ее в портике Октавии в Риме, желая, по выражению Плиния, «показать миру мир». Агриппа написал также не дошедшие до нас комментарии к своей карте. На основе этой карты и этих комментариев позднее создавались так называемые итинерарии, т. е. путеводители двух видов — карты и перечни населенных пунктов.

В императорский период создается большая естественно-научная энциклопедия — «Естественная история» Плиния Старшего. Плиний был эклектиком; в своем произведении он использовал огромное количество чужих трудов. Тем не менее исторического значения его энциклопедии нельзя преуменьшить. Сочинение Плиния состоит из 37 книг. Первая является обзором содержания и источников, далее следуют астрономия и космография, зоология, ботаника, описание плодов, сведения о медикаментах растительного и животного происхождения, данные о металлах. Последние книги посвящены минералогии. Из сочинения Плиния мы почерпаем также огромное количество сведений по античному сельскому

Карта римских дорог. Средневековая копия

хозяйству, медицине, искусству. В связи с минералогией изложена вся история живописи (краски) и скульптуры (камни). В этих же книгах — немало интересных сведений по истории архитектуры. Энциклопедия Плиния, как и указанные ранее географические сочинения, отражают весь культурный мир античности.

Энциклопедия Плиния носит не столько научный, сколько литературный характер. Таковы же естественно-научные произведения философа Сенеки. Сенека облек в риторическую форму физические учения стоиков.

Медицина, как и естествознание, питалась греческими соками. По словам Плиния, Рим в течение 600 лет не имел врачей, т. е. врачей-римлян. Первым врачом-профессионалом, поселившимся в Риме, был пелопоннесец Архагат (в III в. до н. э.). На первых порах греческая медицина была встречена с предубеждением. Катон Старший уверял, что «иностранные врачи поклялись извести римский народ». Но знахарские рецепты самого Катона (примеры их мы находим в его сочинении о сельском хозяйстве) не могли выдержать натиска более высокой культуры. Иноземные врачи получили в I в. до н. э. римское гражданство. В конце правления Августа была учреждена первая официальная школа врачей, в которой преподавание велось на греческом языке. Большинство позднейших врачей, работавших в Риме, также писало по-гречески. По-гречески писал Руф Эфесский, живший во времена Траяна в Риме и Египте и прославившийся своими анатомическими

наблюдениями (основанными на вскрытиях обезьян и свиней). По-гречески писал и знаменитый врач Клавдий Гален, уроженец Малой Азии (129—199). Подобно Руфу Эфесскому, он основал анатомию человека главным образом на вскрытиях животных. Производил Гален и физиологические опыты над дыханием, пульсом, дея-

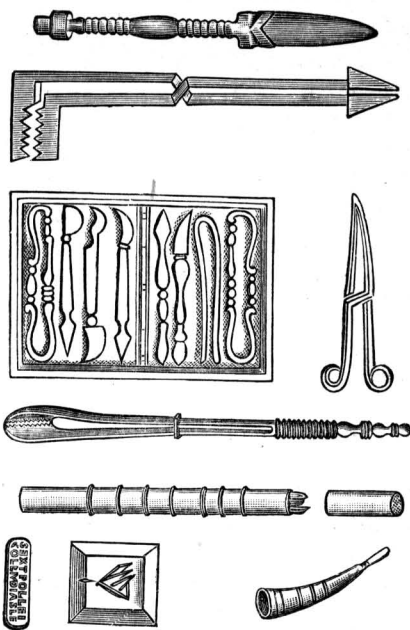
Денарий с изображением Августа

тельностью головного и спинного мозга. Он доказал экспериментально, что в артериях находится кровь, тогда как «пневматическая» школа врачей полагала, что артерии наполнены тончайшим газообразным веществом, пневмой.

Из немногочисленных медицинских сочинений, написанных на латинском языке, заслуживает упоминания сочинение Цельса (I в. н. э.). Оно составляло часть не дошедшей до нас энциклопедии. Это — мастерски написанная компиляция из греческих источников. Особый интерес представляют книги, посвященные хирургии. Многие описания из них стали классическими.

Как правило, лекарство изготавливали сами врачи. Из сочинений, посвященных фармакологии, нужно упомянуть сочинение Скрибония Ларга (перв. пол. I в.). Здесь мы находим самое раннее известие о приготовлении опиума и совет лечить головную боль прикладыванием электрического ската. Из перечисляемых медикаментов большинство — растительного происхождения, меньшинство — минерального и животного.

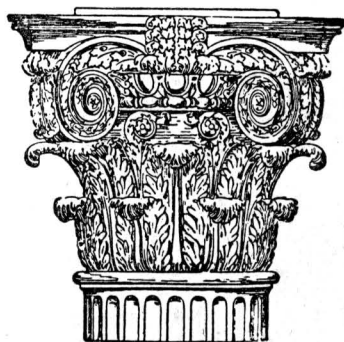
Астрономия, греческая в своей основе, приобрела у римлян, как и другие науки, ярко выраженный практический характер. Здесь мы имеем в виду не столько календарь, сколько астрологию, получившую широкое распространение в императорский период. Астрологи хотели предугадать судьбу человека по движению небесных светил. Тем самым они становились в оппозицию к государственным прорицателям — авгурам и гаруспикам. Уже в I в. до н. э. делались попытки предсказать по звездам судьбу Рима. Но только в императорский период астрология получила широкое распространение. Коренным отличием астрологического суеверия от жреческих гаданий официальной религии являлось убеждение в невозможности чудес, сверхъестественного вмешательства. Все в мире предопределено движением светил, совершается по необходимости, а не по прихоти и произволу богов. Всякий, изучивший астрологию, сумеет

Хирургические инструменты

Гораций. Бронзовая медаль

Композитная капитель триумфальной арки Тита в Риме

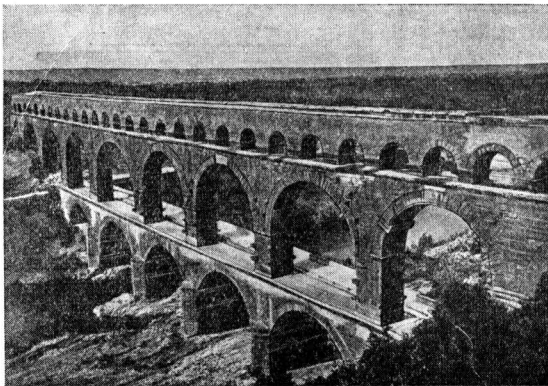
Пантеон. Гравюра XVIII в. Пиранези

называли астрологов) были изгнаны из Рима, один — сброшен со скалы, другой — засечен розгами. В конце концов астрологи пошли на компромисс. Во времена Константина создалась удобная теория, согласно которой император, как существо божественное, не подвержен влиянию звезд.

Философия, как и в республиканский период, ставила перед собою практические цели. Практической по преимуществу была стоическая философия, которая приобрела в Риме односторонне моральный характер. У греков стоики разрабатывали физику и логику. У римлян эта сторона стоического учения не получила сколько-нибудь оригинального развития. Стоическая философия вошла как элемент в состав христианства, оказала влияние на поэзию (сатиры поэта Персия) и на юриспруденцию (мысли о естественном праве).

Об одном имени нельзя умолчать, говоря о философии времен Римской империи. Правда, имя это принадлежит греческой литературе, а не римской, но по времени относится к римскому периоду истории Греции. Это имя — сирийца Лукиана, оратора, философа-скептика и писателя, «Вольтер классической древности»¹, по определению Энгельса. Именно тогда, когда философы античного декаданса пытались вложить новый смысл в мифы и мифологию, во II в. н. э., Лукиан раскрыл с величайшей последовательностью их подлинный, человеческий смысл.

Лукианом написаны шутивно-сатирические диалоги богов; боги в них —

Гардский мост

узнать и свою, и чужую судьбу. Понятно, что в период непрерывных внутренних волнений и политических переворотов императоры живо интересовались астрологией. Но они делали все возможное, чтобы астрология не стала достоянием широких кругов населения. Тиберий занимался изучением астрологии, однако при нем же в сенате судили Либона за сношения с прорицателями и колдунами. В отчаянии Либон покончил с собой. «Халдеи» и «математики» (так

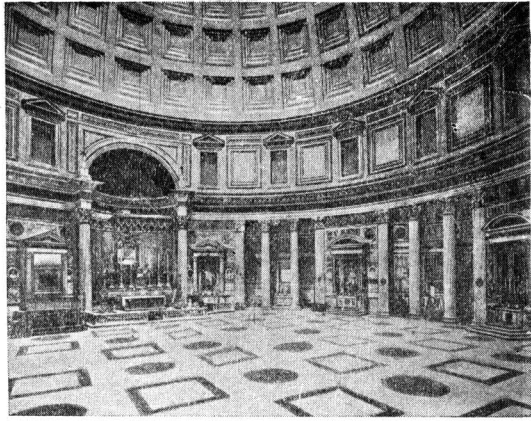
те же люди, мифы — темы для комически-бытовых картин: семейных сцен между Зевсом и Герой, рассказов о любовных интригах Зевса и прочих богов. Диалоги Лукиана атеистичны и высмеивают религию во всех ее разновидностях, вплоть до попыток ее философской интерпретации. Лукиан зло насмехается над философами самых различных направлений. В диалоге «Любитель

¹ Энгельс, К истории раннего христианства, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 411.

лжи» один из собеседников, Тихиад, рассказывает о своем посещении суеверного Еврата. Филокл, второй собеседник, выслушав рассказ, замечает: «Говорят, если человек укушенный бешеной собакой, сам укусит кого-нибудь, то и этот укус имеет ту же силу, что и укус собаки, и вызывает также водобоязнь. Так и ты, укушенный в доме Еврата множеством лжи, передал и мне этот укус: до того наполнил ты злыми духами мою душу». На это Тихиад отвечает: «Друг мой, не будем терять бодрости. Против лжи есть у нас великое противоядие — истина и правильное во всем рассуждение. И пусть вся эта ложь, пустая и напрасная, не смущает нас, прибегающих к этому противоядию». В сочинении «Александр, или Лжепророк» Эпикур назван единственным человеком, знавшим истину о природе вещей. В 165 г. Лукиан видел самосожжение кинического философа Перегриния, что дало ему повод написать сочинение, в котором он уничтожающе описал киников, стоиков и христианских аскетов.

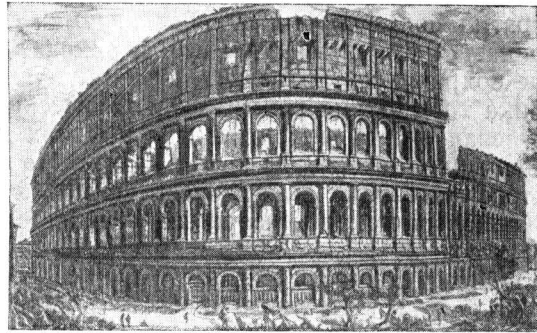
Исторические сочинения эпохи Империи сохраняли попрежнему литературный, художественный характер. Таковы произведения двух крупнейших историков — Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) и Корнелия Тацита (ок. 55 г. — ок. 120 г.). Симпатии обоих историков — в прошлом. Ливий, по собственному признанию, писал свою историю, чтобы уйти от зол современной ему жизни. Тацит был последним из старо-римлян «патрицианской складки и патрицианского образа мыслей»¹.

Грандиозный труд Тита Ливия в 142 книгах, на составление которого автор по-

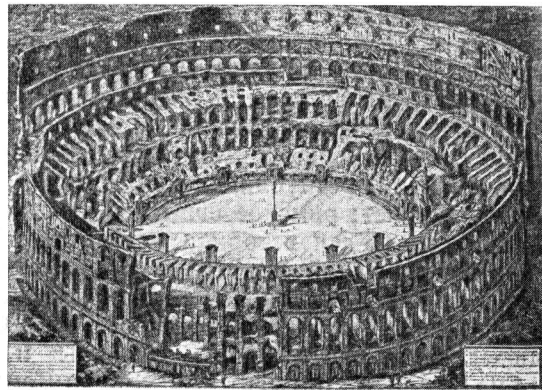

Внутренний вид Пантеона

нас великое противоядие — истина и правильное во всем рассуждение. И пусть вся эта ложь, пустая и напрасная,

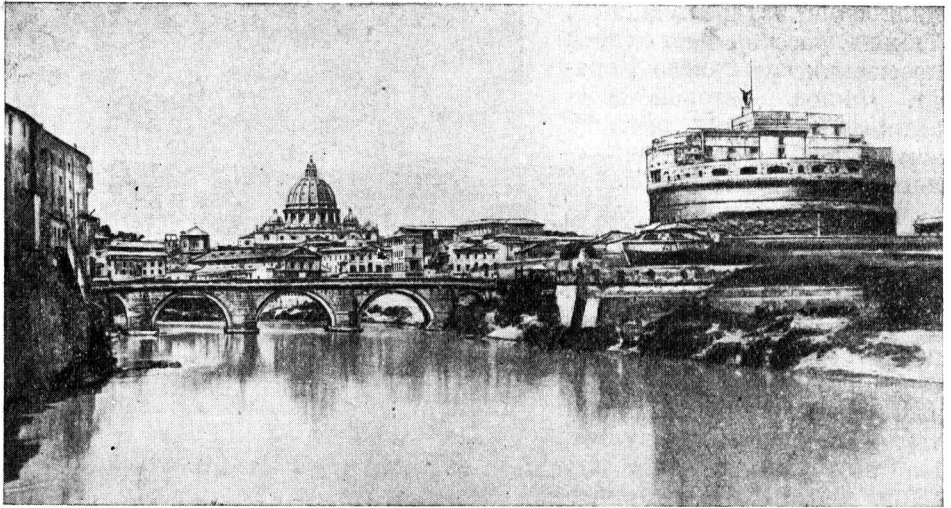

Колизей. Внешний вид. Гравюра Пиранези

Колизей. Внутренний вид. Гравюра Пиранези

¹ Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

Мавзолей Адриана (крайний справа)

тратил более сорока лет, был задуман в рамках старых «анналов»: он начинается от основания Рима и доходил до 9 г. до н. э. Сочинение это не сохранилось до нашего времени полностью. Для современного историка труд Ливия ценен как исторический источник. Ливий много заимствовал (часто некритически) у своих предшественников, анналистов, сочинения которых до нас не дошли. Но его заслугой является то, что из этого материала ему удалось создать огромное художественное целое. Хронологическая схема анналистов наполнена у Ливия богатым конкретным содержанием. Автор не бесстрастный летописец. Он анализирует и оценивает события. Упадку нравов своего времени Ливий стремится противопоставить прежнюю простоту и чистоту, «былое мужество и доблесть». Идеализированная картина давно минувших времен должна послужить если не примером, то укором новому поколению. С истинно эпическим величием изображает Тит Ливий первых царей как ораторов, философов и героев. В их образах мало историчного. Длинные вымышленные речи действующих лиц отвечают всем требованиям ораторского искусства. Но именно в этой художественной разрисовке, в этих сочиненных речах проявляется индивидуальность автора и его отношение к событиям. Свои оценки автор дает не прямо. Они вложены в уста действующих лиц, в их обращения и монологи. К сочинению Ливия, в особенности к его первым книгам, которые посвящены легендам об основании Рима и истории первых царей, мы должны подходить как к эпосу в прозе.

На недостижимой высоте по мастерству художественного изложения стоит среди историков императорского периода Тацит. В душе сочувствуя, как и Ливий, республиканскому строю, Тацит понимал, что возврата к прошлому нет; римское общество вырождается, упадок нравов ничем не остановить. Удел историка — творить суд над событиями не с точки зрения политической минуты, а с «высшей», нравственной точки зрения. Не в силах историка изменить ход событий. Тацит не углублялся, подобно Ливию, в далекое прошлое Рима. Оба основных его сочинения (не дошедшие до нас целиком), «Анналы» и «Истории», охватывали время с 14 по 96 г. н. э., от смерти Августа до Домициана. «Анналы» — традиционное название, но значение этого слова совершенно изменяется у Тацита. Картина каждого года — огромное полотно. Внешне- и внутренне-политические события, войны, решения сената, мастерски очерченные ха-

рактеры — все нашло здесь свое место. Свою оценку Тацит дает не в моралистических рассуждениях, а в кратких уничтожающих эпитетах, как бы вскользь. Эта его лаконическая сжатость беспощадна. Скупыми подробностями Тацит дает часто такую страшную по реалистичности картину, которая врезается в память. Читая об убийстве Агриппины по приказанию ее сына Нерона, читатель как бы видит воочию Лукринский залив, звездное небо и слабо освещенную комнату.

Значительно уступает Ливию и Тациту Светоний, автор биографий двенадцати цезарей, от Юлия Цезаря до Домициана. Биографии Светония не столько биографии, сколько литературные портреты. Анализ событий у него отсутствует. В центре внимания — личность императора, дворцовый быт, дворцовые интриги. Написаны биографии умело, живо и занимательно; они дают яркую картину римской жизни и римского быта.

Тациту подражал римский историк IV в. Аммиан Марцеллин, грек по происхождению. Но ему удалось перенять только отдельные приемы тацитовского изложения. Несмотря на художественно-стилистические недостатки, труд Аммиана Марцеллина имеет все же большую ценность как исторический источник. Он охватывал время с 96 по 378 г., но до нас дошла лишь заключительная часть, содержащая описание событий 352—378 гг., т. е. тех событий, современником которых автор был. Аммиан Марцеллин участвовал во многих военных походах и изъездил Римскую империю. О Германии, Галлии, Египте, Фракии, Малой Азии он рассказывает не с чужих слов, а как очевидец.

Таковы крупнейшие историки Рима, писавшие на латинском языке. Из числа римских историков, писавших по-гречески, на первое место следует поставить Аппиана, автора «Истории Рима» в 24 книгах (II в.). «История» Аппиана построена по географическому принципу: отдельные книги посвящены Сицилии, Карфагену, Македонии и т. д. и повествуют о том, как эти государства подпали под власть Рима. Пять книг, посвященных истории гражданских войн, охватывают время с 183 г. до н. э. Маркс и Энгельс чрезвычайно высоко ставили Аппиана за то, что он «старается докопаться до материальной подкладки... гражданских войн»¹, что он единственный из древних историков, который говорит нам ясно и выразительно, из-за чего велась борьба в недрах римской республики: из-за землевладения². Так, например, Аппиан очень тонко подметил условия, при которых возникло в Риме крупное землевладение. У него имеются указания и на захват общественных земель, и на отрыв мелких землевладельцев-солдат от сельского хозяйства, и на обременительные налоги, и на возрастающее значение рабского труда.

Другому выдающемуся римскому историку, писавшему по-гречески, Плутарху (ок. 46—120 гг.), принадлежат параллельные жизнеописания римских и греческих мужей: Тезей и Ромул, Ликург и Нума и т. д. Сопоставления порой натянуты, но самый замысел интересен. Грек Плутарх, возвеличивая Рим, возвеличивает и прошлое Греции.

¹ Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 февраля 1861 г., *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 15.

² См. *Энгельс*, Людвиг Фейербах, *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIV, стр. 673.